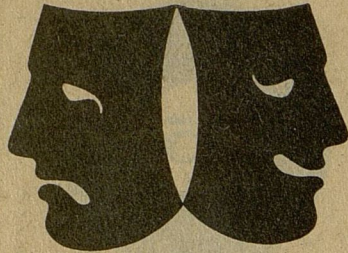

TEATRIKUU

МИКИВЕР устал. Потому что до нашей встречи была длинная репетиция. А перед ней — утомительная поездка из Риги. А там — переговоры относительно постановки «Весны» Оскара Лутса, которую он будет осуществлять на рижской сцене.

Человек устал. Ему, наверное, хотелось домой, отдохнуть. А тут — вопросы, вопросы. И необходимо отвечать. По возможности точнее: одно дело — беседа, свободный обмен мнениями, совсем другое — интервью, которое прочтут тысячи читателей и по нему будут судить об эстетической программе Драматического театра имени В. Кингисеппа, который он возглавляет, и об образе мышления художественного руководителя — Микка Микивера. И он не просто отвечал — он думал, тщательно отбирая самое главное, самое существенное. А хотелось, наверное, извиниться, уйти и хоть на час остаться одному. Тяжело — постоянно быть на виду, на людях...

Какая-то мысль тревожила его, не давала покоя, а он гнал ее прочь, словно верил в то, что мысли можно отогнать.

Хотелось отвлечь его от невеселых дум: этот человек, десятки раз виденный на сцене, на экране и впервые — в жизни, вызывал несомненную симпатию. Подкупала его манера общения — истинного интеллигента — все реже и реже встречающаяся в наш рационально-прагматический век. Подумалось: не каждому театру — увы! — так везет с руководителями.

— Микк, как вы, главный режиссер, ведете репертуар-

ную политику театра?

— Она зависит не только от главного, но и от очередных режиссеров. Правда, сейчас у нас в театре только один очередной — Эндрик Керге. Вторую ставку мы держим пока свободной, чтобы приглашать режиссеров на разовые постановки. Есть еще литчасть, которая предлагает нам пьесы, но, конечно, решающее слово остается за режиссером: будь пьеса трижды хороша, но если ни один режиссер не соглашается ее ставить, она так и остается лежать. Но это редко случается: в литчасти знают наши вкусы, состав труппы, чувствуют видение режиссуры и чаще всего предлагают то, что может быть принято к постановке.

Конечно, любая пьеса должна вписаться в репертуар театра, в его линию, но незбылемого кредо у нас нет. Нет, пожалуй, все же есть: искусство театра должно быть близко к тому, что мы называем человеческой природой. Самое главное — чтобы даже в масштабных вещах центром внимания был человек. Его нельзя потерять в этом поле огромного напряжения идей и проблем.

— Но вы как-то диктуете своим режиссерам, что они должны ставить?

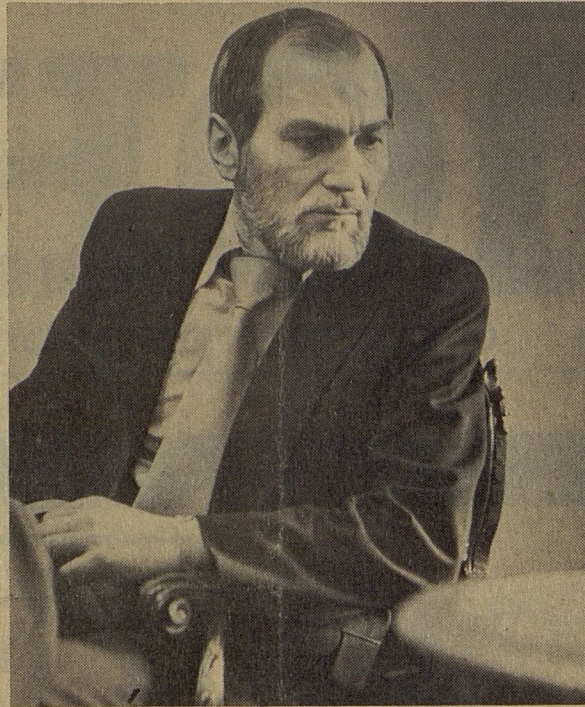
— Диктую? Нет. Я знаю, что хочет поставить, например, Керге, представляю, над чем он мог бы работать в течение, скажем, трех-четырёх лет. И до сих пор ему еще по моей воле не пришлось отказываться ни от одной своей идеи. Правда, у него самого меняются планы. То, что пока рано ставить, что еще не вписывается в общую картину репертуара, но, быть может, года через полтора... Думаю, через полтора он сам может не захотеть это ставить.

— А себе, Микк, себе — главному режиссеру театра — вы как подбираете пьесы?

— Я стараюсь, насколько это возможно, чтобы другие режиссеры ставили то, что они хотят ставить. А себе обычно оставляю необходи-

ТРЕВОГИ МИККА МИКИВЕРА

РАЗГОВОР О
СТРЕМЛЕНИЯХ ДУШИ
И УЧАСТИ
ГЛАВРЕЖА

мое: в любом ведь театре есть какие-то необходимые вещи. И актеров обычно и Керге, и режиссеры-гастролеры выбирают сами, а мне уж выбирать не приходится. Такова участь главрежа: я должен работать абсолютно со всеми. Если бы я был очередным режиссером, знаю это точно, я бы далеко не с каждым актером работал. Так что пусть выбирают. Иногда я намекаю...

Он поднимает глаза и очень по-доброму, но с затененным лукавством улыбается.

Иногда я намекаю режиссеру, что актрисе или актеру обязательно надо поработать над какой-то ролью. Деликатно предлагаю назначить дублером, и мне обычно не отказывают. Керге еще ни разу не отказал.

— Над какими постановками работаете сейчас ваш театр?

— Эндрик Керге ставит пьесу Леонида Андреева «Жизнь человека», а я — «Девочка и другие» Хейно Кийка. Этим спектаклем я начинаю свою новую линию

— работу над современной эстонской драматургией. Это будет совместная работа с писателями... Понимаете, я долго думал над фразой, которую все повторяют беспрестанно: наша драматургия отстает от театра. А если перевернуть фразу? Театр впереди драматургии — сомнительная выходит истина. Девятнадцать лет я работаю в театре, и все время: современная драматургия отстает от театра. Кто винсват? Только ли драматургия? Наверное, и театр тоже — это же взаимный процесс. Да и сколько так может продолжаться? Сколько национальной театр может жить без современной драматургии? Почти 20 лет только на моем веку она отстает. Еще лет десять, и эстонский театр действительно отстанет от других национальных театров, от мирового театра.

— Стоит ли так мрачно?

— Я в этом уверен. Если что-то не предпринять. Поэтому и взял себе твердый курс — в течение года заниматься только нашей драматургией совместно с пи-

сателями. Это — сложный процесс, и я не хочу ставить слабые вещи. Мне хочется, чтобы в процессе рождения спектакля драматург, с которым я работаю, участвовал наравне со всем коллективом. Это и ему во многом поможет.

Сейчас мы привлекли к нашему театру Яана Кресса, и он по своему роману «Императорский безумец» пишет для нас самостоятельную пьесу. Хорошие идеи есть и у Хейно Кийка — после премьеры спектакля «Девочка и другие» он приступит к работе над новой пьесой с сюжетом из жизни современного деревни. Сейчас в деревне многое изменилось. Это даже не каждый крестьянин видит. Хочется обратить внимание на эти проблемы, а Хейно Кийк их отлично понимает.

— Вы уверены, что театр должен заниматься этими проблемами?

— Театр, конечно, не должен заниматься сельскохозяйственными проблемами — для этого есть соответствующие организации — но

среда, которую они будоражат, нас не может не волновать. Герои Чехова или Августа Кицберга не занимают общественными проблемами, но эти люди живут своим временем, и через них мы это время ощущаем. Робинзон Крузо — единственный герой романа — представляет собой конкретное общество, он — носитель его идей. И герои наших современных произведений, их поступки, тревоги, заботы, должны быть лакмусовой бумажкой, на которой проявится то, чем мы живем. Разве не так?

Микивер проговаривал слова, строил предложения, придавая им ровную повествовательную или же мягко зпросительную окраску. В его неспешном разговоре не было восклицаний, и по-прежнему какая-то тревожная мысль не давала ему покоя. Хотелось понять: только ли это проявление обычной усталости?..

— Объясните, Микк, откуда взялась тенденция критики — противопоставление актера и режиссера?

— Она меня раздражает.

— Потому что вы сами и актер, и режиссер?

— Да. Я знаю, чем живут и те, и другие. Мне кажется, эту проблему придумали люди со стороны и обратили на нее внимание и актеры, и режиссеры. А ведь есть коллективы, живущие единым творчеством, где все отлично понимают друг друга, и все у них получается. Мне кажется, прошло время демонстрации режиссерских приемов. Театр подходит к тому, что только с помощью актера можно приблизиться к выражению человеческого духа на сцене. И многие режиссеры растерялись: они разучились работать с актерами. Да и некоторые актеры, отвыкшие от самостоятельности, во всем слепо полагающиеся на режиссера, чувствуют себя беспомощными. И чем больше будут говорить о каком-то противопоставлении, тем тяжелее будет ставить и играть.

— А вам легко играть в собственных спектаклях?

— Нет. Я как актер умею самостоятельно работать, но мне нужен режиссер, которому я верю до конца и который говорит мне правду. Без такого человека актерская работа не приносит мне удовольствия. Наша работа ведь всегда риск — что скажут? как оценят? — а рисковать без удовольствия, сами понимаете...

— И где-таки вы играете в своих спектаклях.

— Только в «Гамлете» — Клавдия. Да, и еще в «Любови Яровой», но это срочный ввод — нужно было спасать спектакль. Я не терплю вводы, потому что больше всего люблю репетиционный процесс. Это моя, актера, жизнь. Играть на сцене я люблю меньше...

— Но тем не менее — играете?

— Мало... Редко...

— Времени нет?

— Да... Беспорядок...

Он произнес это слово, будто бы и не имеющее никакого отношения к разговору, словно отвечал сам себе на какой-то мысленно поставленный вопрос. А потом спохватился и увязал:

— Беспокоит то, что как актер я скучаю по репетиционному периоду... Так скучаю! Может быть, весной Адольф Шапиро, который будет ставить у нас «Живой труп», даст мне роль — Протасова или какую-нибудь другую, в которой он меня видит... Так хотелось бы, чтобы со мной репетировали.

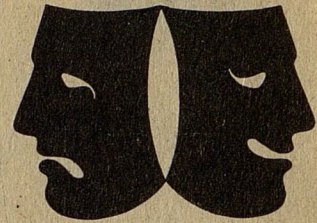
— А кино? Вы сейчас не снимаетесь?

— Все уже так привыкли, что я из-за нехватки времени отказываюсь, что предлагают все реже и реже... Все правильно...

— А кинорежиссура? Вы ведь уже снимали сами — фильм «Индрек»?

— Кинорежиссура — тихое и твердое желание. Раньше я рвался туда страстно и открыто. Если бы мне позволили сценарий «Индрека» переложить так, как хочу, или

TEATRIKUU

самому написать, все было бы по-другому... Может быть, еще что-то будет. А, может, никогда больше не сниму свой фильм... Ну, и что! У меня есть театр... А вдруг и в кино удастся сделать что-то свое?... С годами представление о своем фильме меняется. Это — страшно трудная работа, я это понял. А хочется, чтобы было событием...

Мы говорили еще долго. О том, что раньше его спектакли были более целенаправленными, но в чем-то узковатыми, а сейчас появилось больше нерешенных вопросов, но зато спектакли стали объемнее. О том, что эмоциональность необходима актеру, как воздух, но возникать эмоция должна на полтонах, иначе она может девальвироваться. О том, что как-то его, Микивера, упрекнули в рационализме, но ведь он даже не представляет себе, что может поставить Брехта или сыграть в его пьесе.

— Если бы я был рационалистом, обязательно поставил бы. Как актер уважаю его, люблю, ценю, но боюсь. Как режиссер?... Нет, я не рационалист. А упреки... Может, и выглядело так — не сумел, наверное, чувство передать через актеров. Это я сейчас понимаю, что самое главное — актер. Через него все можно выразить. Только как?..

Он провожал меня к проходной. На прощание сказал: — Напишите: сомневается человек...

Я подумала и пишу:

— Думает человек, работает...

Элла АГРАНОВСКАЯ.